

Глава 6

Пора прекращать, говорили они друг другу. И не прекращали.

Стук яблока был удивительно громким, а посреди ночи — ещё и необычным. Но этот фокус уже надоел. Внезапный скрежет стула по полу, когда все вроде бы спят, казался действенной. Если звякать ложкой о лампу, особенно с открытой дверью спальни, тоже получалось жутко. Иногда они ничего не делали, но наутро говорили родителям, что в их комнате что-то скрипело и стонало всю ночь напролёт.

Иногда мать отвечала:

— Да, я тоже слышала.

Их истории посеяли семена, пускавшие собственные побеги.

— Девочки к этому очень восприимчивы. — Мэгги слышала разговор матери с Мэри Редфилд. — Если в доме что-то есть, именно девочки его притягивают.

Потом она рассказала Мэри Редфилд о своей бабушке, у которой якобы были видения.

— Вдруг у девочек дар? — предположила мать. — Он передаётся по женской линии. — Она отпила кофе. — Благословение и бремя одновременно.

Мэгги под лестницей, затаив дыхание, ждала, что она расскажет больше, но Мэри сменила тему на странное поведение одной её лошади, а потом Мэгги уже не могла заставить себя спросить у матери, правда ли всё это, правда ли, у её бабушки был дар, верит ли в это мать и если верит, то почему усомнилась тогда, в Рочестере.

В детстве они обе умели хрустеть суставами, и уже тогда отец сказал, что другим это нравится вовсе не так сильно, как им.

Мэгги знала, что об этом, как и о многом другом насчёт своих дочерей, он уже забыл.

Это Кейт предложила в пятницу утром: можно пугать родителей, даже находясь в одной комнате с ними. Это Кейт придумала наконец-то задействовать их талант к хрусту.

Она репетировала, упираясь стопами в изножье кровати.

— Заметно, что я что-то делаю? — спросила она, когда раздался отрывистый резкий треск.

— Нет.

Кейт как будто не двигалась, поэтому было непонятно, откуда исходит звук. Мэгги, даже видя её босые ноги, не подумала бы на сестру.

— А ты так можешь? — Кейт села и похрустела костяшками, подкрепляя вопрос.

— Ты же знаешь, что могу.

— Не хуже меня?

Мэгги устало посмотрела на неё.

— Не хуже.

Кейт поставила ноги на пол. Повторила: три резких быстрых хруста.

— Это вредно для здоровья, — сказала Мэгги.

— Не думаю. Сама попробуй.

Мэгги замялась: не хотелось подчиняться младшей сестре, но ещё меньше хотелось, чтобы казалось, будто она так не может.

— Ладно.

Она решила даже не садиться. Сперва похрустела костяшками — легкотня. Потом встала на цыпочки и вытянулась, пытаясь определить, какие суставы могут с треском подвигаться. Опустилась на пятки и хрустнула по очереди каждым пальцем на левой ноге. Причём громче и лучше, чем Кейт.

Кто-то красив, кто-то умён — ну а Мэгги с Кейт умеют хрустеть костями. Чем богаты, тем и рады.

Кейт лучилась улыбкой.

— Ужас какой.

Мэгги огорчилась, что мысль пришла Кейт, а не ей. Но не поспоришь — что-то в этой идее есть.

— Они не догадуются, что это мы, — сказала Кейт. — Даже сидя в одной комнате с нами. Вряд ли догадуются. Как думаешь?

У этого хруста действительно было преимущество: никто бы и не подумал, что человеческое тело на такое способно. Костям вообще не положено издавать звуки, если, конечно, они не ломаются.

По лестнице поднялась мать. Открыла дверь, заглянула к ним.

— Что делаете? — и прибавила: — Как же у вас холодно.

— В окно дует через трещинку, — сказала Мэгги.

— Откуда там трещинка?

— Не знаю.

Мэгги заметила трещинку только этим утром: тонкая, как волос, прямая линия в верхнем углу. Может, птица врезалась.

Она не торопилась рассказывать об этом отцу, который наверняка просто зашьёт окно досками.

Вдруг треск словно ломающийся лёд. У матери округлились глаза.

— Что это? — спросила она. Кейт промолчала.

— Не знаю, — ответила Мэгги и сымпровизировала: — Мы это уже слышали. По-моему, из-под пола.

— Господи боже, — сказала мать. — Ну и дом...

— Он словно пытается что-то сообщить, мам, — вставила Кейт. Таким тоненьким голосочком, что Мэгги чуть не прыснула.

— Спускайтесь-ка обе, — сказала мать. — Нечего моим милым девочкам мёрзнуть в собственной спальне.

Она развернулась и ушла. Прежде чем пойти за ней, Мэгги накинулась на сестру:

— Зачем ты так?

— А *ты* зачем? — спросила Кейт.

Она никогда не умела вовремя остановиться — вот в чём беда всей их задумки. Мэгги хотелось держать игру в рамках, но Кейт попробуй удержит.

— На сегодня хватит, — заявила Мэгги. Сестра ответила капризным взглядом и выразительно похрустела костяшками.

Глава 7

В воздухе повсю пахло снегом, небо было низким, белым и неподвижным. Мать набила всем в башмаки солому для согрева, но у Мэгги ноги всё равно мёрзли, а вдобавок ещё и чесались. Её послали одну в маленькое отделение почты на главной улице — мать ждала письма от кузенов из Буффало или от Лии. Мэгги попросила у матери толстую серую шаль и дважды обмотала плечи и половину лица да ещё накинула сверху свой чёрный шерстяной плащ. Когда-то он принадлежал Лие и теперь поизносился, а глаза над шалью всё равно щипало от мороза. И всё же славно было вырваться из дома, побыть где-то одной, почувствовать, как бьётся сердце, пока поднимаешься по пологой улице к центру Хайдсвилла.

Его и деревней было не назвать, не то что городом. На главной улице всё ещё росли деревья, её окружал лес. Все здания: бакалея, таверна, почта и кузница, куда устроился отец, — смахивали на временки.

На почте работал мальчишка её возраста, Стивен Уитакер. Ей нравились его острые скулы и кривая улыбка, но он был нервный и неловкий, и к тому же с ним ассоциировалось разочарование. В каждый приход она отчаянно надеялась, что и её ждёт письмо, с рочестерской маркой, и каждый раз обманывалась. Понятно, что сперва Эми не могла ей написать — слишком уж быстро они уехали, а Эми закрутилась со своими делами, устраивала съезд, собирала подписи для петиции. Но время шло...

Объяснение могло быть только одно: Эми её не простила. Поверила Джеймсу Крейну. Поверила, что Мэгги — злая девчонка, которая сочиняет небылицы про привидений, чтобы скрыть собственные грехи.

На улице почти никого не было, и, войдя на почту, Мэгги сперва решила, что и здесь пусто. Тут из-за стойки, отряхивая руки о рубашку, поднялся Стивен. Он испуганно моргнул.

— Померещилось, что тут крыса, — сказал он.

Мэгги инстинктивно отшатнулась, окинув взглядом пол.

— Ты же не боишься крыс? — спросил он.

— Конечно нет.

— Я так и думал. Небось, всё время их видите, так и шмыгают по дому — ручей-то совсем рядом.

Ей почему-то стало обидно.

— Вовсе нет.

Она ни разу не видела в доме крыс. Кстати, это и правда странновато.

— Ну, значит, слышите. Потому-то Уикмены оттуда и съехали. Они твердили, будто там всё время какие-то

звуки, — Стивен заговорщицки улыбнулся. — Мол, в доме есть привидения. Слышала о таком?

Мэгги моргнула, на миг решив, что ей показалось. Потом сердце забилось быстрее, словно её поймали на лжи. Она потёрла ладони, чтобы согреться, и попыталась изобразить равнодушие.

— Не слышала. Что за привидения?

— Не знаю. Просто говорили, там что-то чудное. Но это же, ну, крысы, чему там ещё быть?

Сперва она решила, что Стивен её разыгрывает. Узнал о том, что случилось в Рочестере, и теперь издевается над ней, над девочкой с призраками. Но ему вряд ли хватило бы на это ума.

В голове всплывали вопросы: кто ещё слышал о привидениях? Мог ли слышать отец? *Что* там наговорили Уикмены?

Но за ней вошёл кто-то ещё, кто-то незнакомый, и перед посторонними задавать такие вопросы не хотелось.

— Для нас есть письма? — произнесла она слабым голосом. Стивен оглянулся на стопки почты, но она уже знала: ответ — нет.

Наверное, стоило поспешить домой и рассказать всем то, что поведал ей Стивен: «Слушайте, это правда, это не только мы балуемся». Но она впала в замешательство, словно эту историю у неё каким-то образом украли. Они же только притворяются? Внутри разрасталось что-то холодное, беспокойное.

Домой она пошла коротким путём, через маленькое хайдсвиллское кладбище на пологом куцем склоне. На её взгляд, оно располагалось довольно далеко от церкви, чтобы считаться священной землёй. Впрочем,

Мэгги никто и не спрашивал. Ей нравилось прогуливаться здесь в тишине, хоть округа и напоминала кладбище за зданием школы в Рочестере.

Блуждая среди надгробных камней, она искала знакомые имена. Нашлись Уитакеры — Джеремайя и Пейшенс: семья Стивена жила в этих местах уже давно. Многие могилы были совсем старые, имена стёрлись и почти не читались. Первые обитатели Хайдсвилла.

То есть первопоселенцы, прямо как на том кладбище за школой. Это они заложили новый городок в лесах, где земли плодородны, а просторы широки. Американцы, гордо отвоёвывающие континент, несущие порядок, цивилизацию и прогресс.

Мэгги читала о них в детстве. О временах, когда на месте штата Нью-Йорк стояли глухие чащи. Уже в детстве чувствовалось, что в этих историях что-то не складывается, но она не могла сказать что. Да и не нравится никому, когда дети сомневаются в священных истинах.

Глава 8

Дома что-то случилось.

Снаружи стояли мать, Кейт и соседка Мэри Редфилд. Все смотрели на окно спальни на втором этаже. Мать прижимала к себе Кейт, а Мэри Редфилд теребила платок.

Мэгги подошла ближе. Взглянула на окно, но видеть там было нечего — просто тёмный квадрат стекла. Кейт отвернулась, вжалась лицом в пальто матери, как малое дитя.

— Где ты была? — спросила мать. — До почты меньше десяти минут, Мэгги.

— Почему вы все здесь стоите?

— Я просто пришла в гости... — начала Мэри Редфилд.

— Мы сидели на кухне, — сказала мать. — Кэти помогала складывать рубашки.

— Мы все сидели на кухне, — подтвердила Мэри. — Все.

— Я думала, он наверху, — продолжила мать. — Твой отец. Я думала, он наверху. Он обещал проверить чердак.

Вдруг Мэгги почувствовала на лице влагу. Подняла глаза. Небо посерело. Пошёл снег.

— Я просто пришла в гости, — повторила Мэри. Её лицо осунулось. Губы потрескались от холода.

— Можно зайти? — спросила Мэгги.

Кэти оторвалась от пальто матери и посмотрела на Мэгги. Она казалась маленькой, бледной, хрупкой, но в её голосе прозвучала сталь:

— Нет.

— Но ведь снег начинается.

— Мы все сидели на кухне, — продолжала мать, — и отец крикнул из твоей спальни. Крикнул: «Куда ушла Мэгги?»

На миг все замолчали. Мэгги обхватила себя руками и попыталась вставить хоть слово:

— Может, мы все просто...

— Это был не он, — сказала Мэри. — Наверху был не твой отец.

— Отец зашёл с улицы. — Глаза у матери округлились. — Мы думали, он наверху. Я сама слышала его шаги наверху. И тут он входит с улицы.

— Кто-то спросил, куда ты отправилась, — сказала Мэри. — Кто-то крикнул *сверху*.

На тёмных волосах матери собирались маленькие снежинки. Кэти снова отвернулась.

— Спаси и сохрани, — прошептала Мэри.

Дверь со скрипом открылась. Показался Джон. В руках он держал молоток. Кашлянул.

— Ничего, — сказал он. — Наверху никого нет.

— Чердак, — напомнила мать.

— И на чердаке никого.

— Ты искал?

— Искал.

— Джон...

— Маргарет, да искал я, — произнёс он мягко, но настойчиво.

— Мужской голос. — Мэри теребила край шали. — Мужской голос.

— Я искал, — повторил Джон. — Искал.

— Как ты это провернула? — спросила Мэгги. Взяла Кейт за руку.

Они сидели на импровизированной постели в гостиной Мэри Редфилд. Прошло уже много часов — пришлось дожидаться, когда их оставят одних. На улице уже стемнело, Мэри ходила из комнаты в комнату, зажигая лампы. Мистер Редфилд ещё не вернулся с работы.

Кейт сжала её руку в ответ и придвинулась к стенке, натянув одеяло до подбородка.

— Как ты это провернула?

— Это не я.

— Кэти...

— Это не я. Как бы у меня получилось?

— Не ври мне. Мы не врём друг другу.

— Я ничего не делала.

— Тебе кто-то помогал?

— Нет.

— Я никому не скажу.

— Это не я.

— А кто тогда?

На подоконник рядом с кроватью запрыгнула кошка Редфилдов и уставилась на сестёр. Кейт потянулась её погладить, но та уклонилась.

— Наверху кто-то был?

— Да, — прошептала Кейт.

— Кто?

Кейт не ответила.

Хотелось её схватить и как следует встряхнуть.

— Кэти, это же только игра, забыла? Это понарошку.

— Я клянусь, — ответила она. — Это не я.

— Не верю.

Мэгги увидела в мерцающем свете, как ожесточилось лицо Кейт.

— Ты *знаешь*, — сказала она. — Ты сама уже знаешь.

— Ничего я не знаю. Хочу, чтобы ты рассказала.

— Наверху кто-то был.

— Мужчина?

— Да.

— Кэти...

— Да, мужчина, — Кейт на миг зажмурилась, а открыв глаза, сжала руку Мэгги. — По-моему, пока мы баловались... по-моему, мы его пробудили.

Её ногти впились в ладонь Мэгги, голос звучал тихо и напористо, а взгляд пылал надеждой.

В дверь дома постучали, и обе вздрогнули. В коридоре забормотали. Вернулся отец — он ездил на ферму Дэвида, чтобы попросить его переночевать у них.

Отец вошёл в комнату, впуская холод и отряхивая снег с пальто. Посмотрел на девочек.

— Дэвид не смог приехать. Здесь Кельвин.

Кельвин появился у него за плечом — раскрасневшийся на холоде и полный сил.

Мэгги села на кровати.

— И ты приехал из такой дали ночью?

— Ещё не так уж поздно, — ответил он.

— Я пойду с тобой и отцом, — сказала Мэгги. — Хочу обратно в дом.

— Нет, — отец покачал головой. — Вы все останетесь здесь.

— Так, пожалуй, к лучшему, — поддержал его Кельвин, хоть Мэгги и видела, что он сам не понимает, зачем его привезли.

— Мы с Кельвином — мы сегодня переночуем дома, — продолжил отец. Взглянул на Кельвина. — Ты ляжешь в спальне внизу.

— Ладно.

— Чтобы твоя мать успокоилась. — Он всё ещё смотрел на Кельвина, хотя, конечно, Маргарет не была ему родной матерью.

— Хорошо, — сказал Кельвин. — С радостью, — он перевёл взгляд на Мэгги. — Ты в порядке?

— Меня там не было, — ответила она. На языке у неё вертелось: «Всё это понарошку. Мы вас обманывали». Но она чувствовала на себе взгляд Кейт.

— И если что-то услышим, — сказал Джон, — ты будешь свидетелем.

— Конечно, — отозвался Кельвин. — Хорошо. С радостью.

— Свидетели и так есть, — вставила Кейт. — Мы все слышали. Я, Мэгги и мама, а теперь и Мэри Редфилд.

— Настоящим свидетелем, — уточнил отец.

— А, — сказала Кейт. — Понятно.

— Да. — Мэгги поймала взгляд Кельвина. — Понятно.

Он уставился в пол и почесал в затылке.

— Ну, я постараюсь.

— Выпьем чаю и пойдём. — Джон оглядел комнату, будто ждал, что чай появится волшебным образом. Потом его взгляд упал на Мэгги. — Чаю, — повторил он.

— Это не наш дом, — ответила она.

— Мать и миссис Редфилд отдыхают. Они не будут против...

Все слышали, что Мэри с матерью разговаривают наверху, куда унесли с собой бутылку виски и два стакана — подлечить нервы.

— Да я и сам могу... — начал было Кельвин.

— Я заварю, — заторопилась Мэгги. — Ладно.

Кельвин последовал за ней в кухню. Закрыл за ними дверь.

Оба оглядели незнакомое помещение. Здесь было тесно и уютно, на стуле в углу спала другая кошка.

— Должен признать, сам не до конца понимаю, зачем приехал, — сказал Кельвин.

— Ну чтобы быть *свидетелем*.

— Это-то я понял. — Он посмотрел на кошку, подошёл поближе, почесал её за ухом. Та замурчала, не открывая глаз. — У нас тоже была такая, — продолжил Кельвин, словно думал вслух. Потом оглянулся на Мэгги. — Отец говорит, вас пугает какой-то шум в доме.

— Шум в доме есть, — подтвердила Мэгги, — но он меня не пугает.

— Я так и думал.

— Но ты же знаешь, матери нравится, когда ты рядом.

— Ну это хорошо. Я и сам люблю быть с вами. Не знаю, чем смогу помочь, но...

— Но ты приехал. Ты добрый.

Он всегда был добрым — настолько, что иногда Мэгги удивлялась, как же он не устаёт. «Втайне Кельвин

боится, что его прогонят, — сказала ей однажды с глазу на глаз Лия. — Боялся всё детство и теперь не может избавиться от страха».

— Значит, тот таинственный голос ты не слышала? — Лицо у него было серьёзным, но Мэгги видела искорки в глазах.

Она взяла со стола чайную ложечку. Тёплую от лампы рядом. Посмотрела на неё, помолчала.

— Сегодня не слышала.

— Где ты была?

— Ходила в город, — она снова замолчала. Пыталась придумать, как изобразить свою жизнь интереснее, но в голову ничего не пришло.

— И отец говорил про шум.

— Да.

— Просто привидеться-то может всякое, — начал Кельвин. — Долгая зима, старый дом, тёмные ночи. — Он запнулся. — К тому же тебя потрясло то, что произошло в Рочестере.

У Мэгги перехватило дыхание.

— Тот случай, — тихо добавил Кельвин. Он всегда называл это так. Отец предпочитал слово «инцидент», если вообще о нём заговаривал, но для Кельвина это был только «случай» — прискорбное происшествие, в котором никто не виноват.

— В городе говорят, что в доме есть привидения. Из-за них съехала прошлая семья.

Он пригляделся к ней.

— Я и говорю. Всякое может привидеться, но, Мэгги...

Она приготовилась выслушать урок.

— ...Привидений не бывает. Бояться нечего. Я, конечно, переночую в доме, но...

— Я же сказала, что мне и не страшно.

— Хорошо. Потому что мёртвые — это мёртвые, не больше. Мёртвых уже нет.

Мэгги склонила голову набок.

— Отправились в рай?

— Например.

Мэгги отвернулась и поворошила огонь в плите. В медном чайнике на столе уже была вода, так что она поставила его на плиту и поискала чашки.

Она с лёгкостью призналась бы Кельвину во всех шалостях. Он бы только посмеялся. И никому бы не сказал. Но она не знала, как объяснить мужской голос из спальни. В чём ей тогда сознаваться?

— Ну сегодня я ночью там, — сказал он, — так что, видимо, сам всё узнаю.

— Видимо, — ответила она.

Глава 9

Мэгги проснулась раньше сестры. В доме было холодно, и она поспешила разжечь огонь, стараясь особо не шуметь. Редфилды и её мать, должно быть, всё ещё спали наверху.

Странное белое свечение в доме подсказало, что на улице выпал снег, раньше, чем она раздвинула шторы. Снег был неглубокий, но всё ещё яркий и чистый, без следов. Небо ярко-синее, сугробы искрились на солнечном свету.

Натянув вчерашнюю одежду и вдобавок всё, что попало под руку, она выскользнула за дверь, тихо щёлкнувшую за спиной.

До их дома было рукой подать. В деревьях щебетали птицы. «Надо бы вынести им корм, — подумала Мэгги, — наверняка голодают, не могут выклевывать жучков и червяков из промёрзшей земли». Она сама не знала, что надеялась найти дома, но сейчас все её мысли были только о мужчинах — обо всех мужчинах и об их уверенности в себе. Вот бы расшатать её,

заставить их усомниться хоть раз. Показать, что в мире полным-полно вещей, которые они не могут объяснить.

Когда она пришла, Кельвин сидел с чашкой кофе на ступеньках перед кухонной дверью. Пальто глухо застёгнуто до ворота, в волосах играет солнце. Он уставился на что-то далёкое и невидимое на горизонте и не сразу заметил Мэгги.

— Кельвин.

Он вздрогнул, расплескав кофе, но всё-таки улыбнулся.

— Напугала.

— Я не хотела. Ты в такой мороз сидишь на улице?

— На солнце тепло. Кто знает, сколько ещё простоит такая погода. — Он встал, расправил плечи. — Нужно было подышать свежим воздухом.

Он выглядел невыспавшимся, под глазами залегли тёмные круги.

— А отец...

— Вроде бы ещё спит.

— Ну? — она склонила голову набок. — Поймали призраков?

Кельвин долго и с любопытством изучал её.

— Это всё ты как-то делаешь?

Хотя они стояли на улице, оба говорили тихо, словно боялись перебудить весь город.

— Что делаю?

— Или ты вместе с Кэти. Я никому не расскажу.

Мэгги посмотрела на дом. Окна были тёмные, хотя занавески не задёргивали. Она содрогнулась.

— Не знаю, о чём ты. — Это был честный ответ.

— Я, кажется, и сам не знаю.

— Ты что-то слышал? Что-то случилось?

Кельвин снова перевёл взгляд на что-то невидимое на горизонте.

— Странный дом, — сказал он. — Я спал внизу. Ты права, без конца что-то шумит. То и дело казалось, будто в дверь стучат. Думал было открыть да посмотреть, не разыгрывает ли меня кто... — Он выразительно взглянул на неё, и Мэгги чуть не рассмеялась.

— Ты же не думаешь, что мы будем шастать по улице посреди ночи, Кельвин? Сами по себе? Только чтобы напугать тебя?

— Конечно нет, — ответил он неуверенно. — Но потом — готов поклясться... — Он сделал паузу. — Наверное, это всё сон. Готов поклясться, что я проснулся и в комнате кто-то был. — Кельвин снова взглянул на неё, слабо улыбнулся. — Вы, девчонки, понапридумывали невесть что. Вот мне теперь и мерещится.

И снова голову сдавило. Захотелось прилечь.

Трудно было поверить, что Кельвину вообще может что-то мерещиться. Разумный и практичный, он верил только в то, что видел. Даже в Бога не верил. Открыто он в этом не признавался, но Мэгги знала.

И было что-то в его лице — не страх, но неуверенность. Ей бы порадоваться.

Но ведь она ничего не натворила. Её тут даже *не было*.

— Это всё из-за... — Кельвин осёкся. Было видно, как он подбирает слова. — Мэгги, это как-то связано с Рочестером? Ты всё ещё... злишься? На нас?

«Да, да, да, конечно злюсь». Она не ответила.

— Я бы тебя понял. Да я и *понимаю*. Ты же знаешь.

— Не хочь об этом говорить.

— Ты болела. К тому же она могла просто поскользнуться. Я уверен, ты бы ни за что не...

— Я же сказала, что не хочу об этом говорить.

Он кивнул, они недолго помолчали.

— Хочешь зайти? — спросил он наконец. — Кофе ещё не остыл. А мне скоро возвращаться на ферму.

— Да, — согласилась Мэгги. — Зайдём.

И последовала за ним внутрь. На пороге она замешкалась. Какую-то долю секунды ей не хотелось входить.

Отец сказал, что ничего не видел и не слышал. Когда Кельвин рассказал свою историю, Джон смотрел на него укоризненно.

— Просто старый скрипучий дом, только и всего, — добавил Кельвин. — Нет здесь ничего страшного.

— Вот именно.

Но выглядел отец усталым. Усталым и постаревшим. Мать рассказывала, что когда-то он был писанным красавцем, но потом сам же всё испортил выпивкой. Спиртное со временем меняет лицо. Искажает. И чистая жизнь с молитвой уже ничего не исправят. Так внушала им мать. Предостерегала.

— Мне пора возвращаться, — сказал Кельвин. — По дороге загляну к Кэти и миссис Фокс. Пусть знают, что всё в порядке.

— Хорошо. — Джон кивнул. — Может, хоть тебя они послушают.

— Могу поехать на ферму с тобой, — сказала Мэгги. — Я бы хотела навестить Дэвида и детей.

— Нет. Оставайся здесь. Ты же его слышала. Всё в порядке.

— Я просто подумала...

— Нет, — сказал Джон. — Никто никуда не уедет.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

